

В августе 2011 года в издательстве «Юрист» планируется выход в свет книги известного российского ученого, доктора экономических наук, заместителя директора Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, члена Общественной палаты Иосифа Евгеньевича Дискина «Россия, которая возможна».

Предлагаем вниманию читателей размышления об этой книге и поставленных в ней проблемах члена научного совета ВЦИОМ, старшего научного сотрудника Института социологии РАН Леонтия Георгиевича Бызова, а также третью главу этой книги, посвященную генезису институтов эволюционирующей России.

УДК 323/324(470+571)

У ПОРОГА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ. О НОВОЙ КНИГЕ ИОСИФА ДИСКИНА «РОССИЯ, КОТОРАЯ ВОЗМОЖНА».

БЫЗОВ Леонтий Георгиевич – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН. E-mail: leontiy13@mail.ru.

Новая книга Иосифа Дискина как всегда остро актуальна, написана на самую что ни на есть злобу дня. Пожалуй, она впервые дает ответы на вопросы о том, почему в России неизбежна смена политических эпох, и с какой парадигмой к «порогу новой институциональной революции» идут те, кто заинтересован в переменах и связывает их с нынешним президентом РФ. Вернее, ответов было много, но не слишком убедительных, для большинства тех представителей и общества, и политического класса, кто симпатизируют медведевской риторике, она остается просто риторикой, дежурными разговорами без расчета на результат. Автор «России, которая возможна» выстраивает своего рода теорию среднего уровня, призванную убедить читателей, что «иного не дано», все остальные варианты ведут либо к стагнации, либо к национальной катастрофе. Впрочем, в любом случае, для реализации даже самого перспективного сценария коридор возможностей предельно заужен. Страна подошла к той точке, прохождение которой снова надолго определит ее судьбу.

Между тем судьбоносность сегодняшнего момента, пожалуй, еще не осознана ни обществом, ни элитами. С одной стороны, общественная дискуссия последнего года говорит скорее о том, что происходит завершение очередного витка исторического цикла, наблюдается исчерпанность общественных парадигм, которые во многом позитивно воспринимались обществом в «эпоху нулевых». По времени этот процесс совпал с болезненным выходом из экономического кризиса, усугубленным разного рода негативными природными и социальными обстоятельствами 2010 г., политической неопределенностью, вызванной ситуацией вокруг «проблемы 2012», а также с естественной сменой поколений, ищущих своего места в современном обществе.

© Бызов Л.Г., 2011

Все это незаметно привело к появлению новой социальной реалии, пока еще не осознанной ни обществом, ни элитами, которая характеризуется спонтанным ослаблением созданной в «нулевые» политико-экономической системы, снижением эффективности сформированных в этот период институтов, нарастанием социальных и экономических диспропорций, ростом протестных настроений, в том числе со стороны среднего класса. Ощущение непрочности, переходности переживаемой эпохи все сильнее овладевает различными слоями общества, при том, что большинство «рациональных» факторов не предполагает неизбежность значительных перемен. Как видно из результатов недавних исследований, общество пока не готово к кардинальному изменению своих оценок настоящего и будущего, однако потеря динамизма, отличавшего социально-экономическую жизнь особенно в первой половине «нулевых», отчетливо фиксируется массовым сознанием. Так, согласно данным ИС РАН, лишь 12% опрошенных видят явные перемены к лучшему и полагают, что Российская Федерация и ее экономика успешно развиваются. Столько же опрошенных придерживаются диаметрально противоположного мнения, согласно которому перемены происходят в худшую сторону, а отставание России от ведущих стран постоянно возрастает. Относительно же большая часть — 49% опрошенных россиян — считают, что улучшения происходят, но очень медленные и незначительные. 60% россиян продолжают полагать, что путь, по которому идет современная Россия, со временем даст положительные результаты, а почти 40% — что путь, по которому идет современная Россия, ведет в тупик. Эти данные ничем не отличаются от аналогичных, полученных десять лет назад — в 2001 г. Все это пока позволяет утверждать, что основная часть протестной базы сосредоточена в социальных низах, как это и имело место на протяжении всех «нулевых», а средний класс и общественная верхушка продолжают оставаться в целом лояльными политике властей. Правда некоторые качественные исследования, например, недавно проведенные по заказу РБК, говорят о снижении качества этой поддержки и росте протестных настроений со стороны среднего класса. Об этом же пишет И. Дискин: «Представляется, что в последнее время начались подвижки в сторону формирования спроса на искомую объяснительную схему. В их основе лежит начинающийся процесс поворота от стабильности к развитию. Важным обстоятельством, способствующим переходу к политике развития, является то, что внутри ряда социальных групп, ориентированных на развитие, растет пока еще слабо осознаваемый спрос на новый институциональный порядок и, как результат, на соответствующую объяснительную схему». Возможно, общество сейчас находится в процессе перелома настроений, когда средний класс, та самая «Новая Россия», на которую И. Дискин возлагает основные надежды, начнет все сильнее предъявлять запрос на перемены, но пока если это и происходит, то не на массовом уровне и, скорее, дополняет общую картину, чем ее существенно меняет. Поэтому можно предположить, что социально-политический ресурс продолжения стабильности еще не исчерпан и будет продолжать поддерживать политику, проводимую сегодня властями в инерционном режиме. И все же постепенная ревизия наших достижений эпохи «нулевых», попытки понять, где мы и что из себя сегодня представляем, наверное, неизбежны.

Видимо, И. Дискин совершенно прав, подвергая критике историков и политологов, делающих акцент на незыблемости основных социально-политических и ментальных конструкций и утверждающих, что Россия — это страна постоянного «бега по кругу» с доминированием отношений «моносубъектности» в виде власти и связанных исключительно с ней социальных отношений, а пассивность общества носит неизменный и неизбывный характер. Без сомнений, в сегодняшней России можно наблюдать много черт феодализма,

сословности, но эти черты не отражают динамики политических процессов, состоящих сегодня как раз, скорее, в размывании островков традиционализма, в том числе сохранявшихся и в «советской упаковке», разного рода групп, связанных профессиональной или земляческой этикой, и в возникновении из атомизированной массы, социального «бульона», не обремененного традициями и работающими институтами, каких-то новых социальных конструкций, пока находящихся в зачаточном состоянии, а за неимением лучшего, формирующего примитивные архаические конструкции, в том числе и те, которые И. Дискин обозначает термином «путинская конвенция».

Однако практически все эти новые конструкции, во многом восходящие к наиболее адаптивным и мобильным группам «Новой России», как совершенно справедливо отмечает автор книги, работают преимущественно на основе партикулярных, а не универсалистских ценностей, которые фиксируются социологами лишь на парадном уровне. «Универсалистские ценности, призванные стать регулятором функционирования современных институтов, в нашей стране являются скорее «парадными», оказывающими не слишком сильное воздействие на реальную социальную деятельность россиян». Как пишет И. Дискин, «эта концентрическая модель ответственности, при которой уровень социальной ответственности снижается по мере удаленности от людей пространства соответствующих социальных отношений, позволяет оценить роль морально-ценностных регуляторов в функционировании социальных институтов. Представляется, чем дальше соответствующее социальное пространство отстоит от человека, тем больше нужда в универсалистских ценностях в качестве институционального регулятора; чем ближе, тем большую роль играют ценности партикулярные, значимость которых все еще достаточно велика».

Именно в силу этих обстоятельств в социальном пространстве сегодняшней России сохраняется вакуум, своего рода «ничейное пространство», как таковое не входящее в сферу интересов никаких групп из числа «новых субъектов». Это ничейное пространство не только не модернизируется, но и служит ресурсом для очаговой модернизации, элементарно растаскиваясь этими группами «на дрова». Именно в этом вопросе хотелось бы в наибольшей степени возразить И. Дискину, на мой взгляд, чрезмерно оптимистично оценивающему перспективы перерастания очаговой модернизации в собственно национальную. Этому препятствует не только институциональная недостаточность, но и отсутствие субъектности соответствующего уровня.

В этом вопросе, как мне представляется, следует скорее согласиться с мнением критикуемых автором «Возможной России» Д. Фурмана и А. Миллера о том, что сформировать субъектность модернизации может только национальное государство, которое пока никак не складывается ни из кирпичиков очаговой модернизации «новороссов», ни из корпоративно-бюрократической модели общества, связываемой с именем В. Путина. Представляется, что «путинская Россия» — это во многом ответ (или попытка ответа) на неспособность русского национального ядра породить социально-политическую субъектность и начать выстраивать национальную государственность. Не дождавшись импульсов снизу, власть принялась строить национальное государство сверху, взяв за основу новой субъектности государственную бюрократию и крупные государственные корпорации. Сегодня мы видим, что и этот путь, если и не оказался полностью тупиковым, то во многом исчерпан и требует поисков совершенно новых решений. «Связать» общество корпоративно-бюрократическими интересами не удалось, пропасть между обществом и государством не преодолена, а само общество если и порождает субъектность, то на уровне малых групп, не

готовых взять на себя представительство национальных интересов как таковых. А сами эти «национальные интересы» лишь продекларированы властью, но, по сути дела, бесхозны.

При этом следует отметить, что часть пути в процессе строительства предпосылок для национальной государственности успешно пройдена: сформировалось подобие идейно-политического консенсуса вокруг идеологии сильного государства, скорее социальной или скорее либеральной направленности; изменилась социальная структура за счет подключения к потребительскому поведению массовых средних слоев. Но дееспособных институтов, на которые могла бы быть возложена задача построения национальной государственности, создать так и не удалось, во многом из-за опасений нынешних элит перед проявлением любой, не санкционированной свыше социально-политической активности. И есть очень серьезные опасения, что в этих условиях разрушение «путинской конвенции», по определению И. Дискина, системы неформальных норм, определяющих допустимую меру нарушения участниками этой конвенции легальных норм в зависимости от латентного статуса участников конвенции, и проведение институциональной революции силами субъектов из среды «Новой России» приведет к новому витку разрушения социума, о чем уже сегодня предупреждают многие эксперты.

«Может статься, программа-2020 вовсе даже хороша и представляет собой единственно обоснованную модель кардинальной трансформации усталой и неэффективной экономики РФ. Но к чему эта программа точно никакого отношения не имеет, так это к объявленной Дмитрием Медведевым модернизации. Ибо предложенные придворными экспертами стратегии упразднения социального государства и деиндустриализации есть в чистом виде демодернизация, то есть разрушение институтов модерна, которые формировались в России с петровских времен и вплоть до раннего Горбачева. К этим институтам, по определению, относятся и промышленность, и система социального обеспечения. А значит, модернизация, провозглашенная Кремлем, скорее всего, блеф» (С. Белковский).

Что же касается автора рецензируемой книги, то он в этом вопросе, с одной стороны, критикует радикалов от либерализма, готовых разрушить даже те плохие «правила игры», которые обеспечивают нынешнюю стабильность, а с другой стороны, он уповает лишь на те группы активных россиян, которые «одновременно ориентированы «на ценности национального развития и демократии, в их относительно либеральной трактовке». Если же, по мнению И. Дискина, «доминируют лишь ценности национального развития, то... расцветают представления о самых радикальных, в лучшем случае авторитарных, методах утверждения этих ценностей». Он опасается, что «в условиях перехода к реализации модели национальной модернизации, т.е. существенных социально-политических напряжений, если не потрясений, влияние групп с либеральными и демократическими ценностями будет немедленно поставлено под сомнение, если не подавлено группами, обладающими большей массовостью и социально-политическим влиянием. Удержать политический контроль эти группы смогут лишь используя методы, далекие от последовательно либеральных и демократических». Вопрос лишь в том, что исключение из участия в соавторстве постпутинской институциональной конвенции всех нелиберально ориентированных групп общества может обернуться новым глубоким общественным расколом с одновременной утратой российским социумом остатков своей цивилизационной идентичности. Тем более, что носителями последней остаются скорее срединные слои общества, чем активные адаптанты «путинского розлива», выступающие сегодня за пересмотр негласной «путинской конвенции».

Однако, как показывает более углубленный анализ, настроения «низов» в пользу перемен никак не следует отождествлять с осознанием необходимости модернизации. Речь идет об альтернативном сценарии модернизационных реформ — «модернизации сверху», «закручивании гаек», силовом подавлении коррупции, экспроприации капитала у «зарвавшейся» части собственников, усилении роли государства во всех сферах жизни. Как можно предположить, кризис привел к общему усилению смутного недовольства, расширению доли тех, кто считает, что «так жить нельзя», однако качественного скачка в пользу перемен все-таки не произошло. А среди тех, кто хочет перемен, сторонники силовой, «левоавторитарной» модернизации преобладают над сторонниками либеральной модернизации. Вектор общественных настроений сегодня направлен против правящих элит, устранение которых воспринимается как необходимое условие для начала любых перемен. А в качестве главной причины экономической отсталости и невысокого жизненного уровня видят коррупцию, безответственность властей и чиновничества всех уровней. «Либо диктатор, который устранил эти элиты сверху, либо бунт и революция, рано или поздно», — полагают сегодня многие в России, особенно те, кто занимают место в нижней части социальной пирамиды.

Ну а пресловутый средний класс, который профессиональные аналитики поторопились записать в представители «Новой России», мотора модернизации? Его автор книги характеризует как «массовые слои и группы, ориентированные на самостоятельное решение собственных проблем, вполне адаптированные к наличной институциональной среде, индивидуально принимающие рациональные решения на основе собственного практического опыта». Впрочем, происхождение этих групп в путинскую эпоху заставляет усомниться в модернизационном потенциале нового среднего класса, состоящего в значительной своей части из чиновничества, служащих госкорпораций и прикормленного властями бизнеса. Налицо как минимум две идеологии «модернизационного прорыва» — левомобилизационный и либеральный. За левый сценарий, как можно предположить из результатов исследований, выступает до 40% населения, в основном слои общества за пределами среднего и высшего класса. Однако поддержка этих настроений в элитах весьма незначительна, даже среди тех, кого принято относить к числу «силовиков во власти».

И. Дискин совершенно справедливо полагает, что необходимым условием «позитивной эволюции» является консолидация позиций активных слоев и групп общества, способная обеспечить рост влияния горизонтальных связей, групповых ценностей на реальное поведение их членов. Однако все эти процессы, на наш взгляд, могут быть заблокированы отсутствием национальной субъектности, новым витком гражданского и даже цивилизационного противостояния, если не будут найдены механизмы подключения к выработке новой институциональной конвенции слоев общества, находящимися за пределами либерально ориентированных элит, на которые пока, судя по всему и рассчитана «новая медведевская конвенция». Если это удастся и в основу этой конвенции, своего рода «медведевского консенсуса» будет заложен, по выражению И. Дискина, «преобладающий ценностный ориентир — формирование в нашей стране достаточно специфической, нелиберальной (но отнюдь не антилиберальной), скорее, патриотической демократии», у национальной модернизации появится, наконец, свой шанс.